

Стаценко Анна Сергеевна

кандидат филологических наук
преподаватель кафедры русского языка
Кубанского государственного
технологического университета
annaphil@mail.ru

ИЛЛОКУТИВНОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация:

В статье рассматриваются разные виды речевых актов, в состав которых входит эмоционально-оценочная лексика. Данный анализ позволяет четко дифференцировать эмоциональный и нейтральный типы интенций, установить и разграничить их семантическую и прагматическую направленность, определить набор важных языковых составляющих для формирования данных типов.

Ключевые слова:

иллокутивность, лексика, эмоциональность, оценочность, эмоционально-оценочный компонент, интенция, речевой акт, прагматика.

Statsenko Anna Sergeevna

Candidate of Philology,
lecturer of the chair of Russian language,
Kuban State University of Technology
annaphil@mail.ru

ILLOCUTIONARY OF EMOTIONAL AND EVALUATE LEXIS

The summary:

The article deals with the different types of speech acts, which include emotional and evaluative lexis. This analysis allows to differentiate clearly emotional and neutral types of intentions, to establish and to delineate their semantic and pragmatic orientation, to define a set of important language component for the formation of these types.

Keywords:

illocutionary, lexis, emotionality, evaluation, emotional and evaluative component, intention, speech act, pragmatics.

Изучение влияния эмоционально-оценочной лексики на формирование того или иного вида речевого акта (РА), значения, которое оказывает данная лексика на формирование определенного типа авторской интенции, степени ее влияния на конечный результат речепроизводства кажется нам перспективным и интересным.

В нашем исследовании мы обращались к высказываниям, выбранным из оригинальных текстов С. Мозма и их переводов, в составе которых функционирует эмоционально-оценочная лексика.

Основываясь на том утверждении, что в структуре эмоционально-оценочной лексики ядерной, а следовательно, и ведущей является именно эмоциональная сема, мы предполагаем наличие определенной степени иллокутивности данной лексики. Степень иллокутивности эмоционально-оценочной лексики рассматривается нами как противопоставление двух членов: сильной и слабой позиций. При этом определение непосредственно позиций основывается на двух способах: выведения (опущения) либо нейтрализации эмоциональной лексики в высказывании. При реализации данных трансформаций в случае отсутствия каких-либо изменений в интенции либо при наличии почти незаметных адресату смысловых потерь мы квалифицируем степень иллокутивности как слабую. В случае наличия важных для семантического и эмоционального уровней потерь мы квалифицируем степень иллокутивности эмоционально-оценочной лексики как сильную.

Следует отметить, что эмоционально-оценочная лексика наряду с функцией эквивалента, единственного компонента речевого акта, формирующего его интенцию, например, *You fool* [7, с. 89] – *Болван* [3, с. 265], может выполнять функцию составной части, то есть быть не единственным элементом РА: *My dear old boy, I'd love to lend you a quid, but I'm absolutely stingy* [5, с. 34] – *Дружище, я был бы счастлив одолжить тебе пару монет, но я и сам в кулак свищу* [2, с. 227].

Хотим заметить, что функция образующего элемента РА как в английском, так и в русском языке хоть и является регулярной, но по отношению ко второй функции – функции составной части высказывания – встречается достаточно редко (10 % высказываний от общего числа). Рассмотрим несколько наиболее ярких примеров: *Silly old bitch* [5, с. 174] – *Старая ведьма* [2, с. 331]. В данном высказывании английское прилагательное *silly* – «глупый, слабоумный» [8, с. 1337] функционирует с ярко выраженным уничижительным значением. В английском и русском языках наличие у взрослого человека черт глупости воспринимается остальными индивидами как «не норма», причем в отрицательном значении: плохо быть глупым, нельзя быть глупым – отличие от наличия этой же характеристики у детей и животных. Так, выражение *глупый ребенок* или *глупый котенок (зайчонок, птичка* и так далее) скорее воспринимается как норма: ребенку, животному, птице положено, свойственно быть глупее остальных членов сообщества, взрослых людей. Именно поэтому в данном случае сочетание *silly old (woman)* – *глупая старая* (женщина) подчеркивает наличие аномальности, поскольку старый взрослый человек не может / не должен быть глупым. Заметим, что прилагательное *silly* не было переведено на русский язык, а компенсировалось при помощи дополнительных значений, которые приобрело сочетание *старая ведьма*. Английское ругательное существительное *bitch* в русском переводе звучит как *ведьма*, что в некотором роде сглаживает оригинальное оскорбительное высказывание, лишая его вульгарности. Тем не менее восприятие носителями русского языка существительного *ведьма* в качестве ругательного, отрицательного явления достигнуто. В данном случае линейное взаимодействие эмоционально окрашенного слова *ведьма* и нейтрального прилагательного *старый* влечет за собой эмоциональную ассимиляцию – распространение эмоциональной окраски на стоящее рядом нейтральное слово. При этом именно прилагательное *старая* в совокупности с существительным *ведьма* – «злая волшебница, злая женщина» [4, с. 71] воспринимается как опытная, следовательно, принесшая много бед и несчастий за долгую жизнь, а значит, плохая женщина. В обоих же языках прилагательное *старый* – *old* само по себе не имеет эмоциональной окраски, но может приобретать ее окказионально или путем ассимиляции: ср. *старое дерево* – *old tree*, *старый хрыч* – *old gink*.

Рассмотрим еще один пример: *Monstrous!* [5, с. 58] – *Чудовищно!* [2, с. 41]. Формирование интенции в данном случае зависит от наречия и его лексико-эмоционального значения. Наречие и его производящие слова *monstrous* – *чудовищный, чудовище* – *чудовищный* – *чудовищно*, *monster* – *monstrous* воспринимается и употребляется в обоих языках в переносном значении в случае желания выразить ужас, неприятие кого-либо, чего-либо, с целью придачи человеку, явлению отрицательных черт. Таким образом, эмоционально-оценочное значение слов этой группы подразумевает наличие эмоциональной реакции с отрицательной оценкой. Семантика наречия в первую очередь направлена на выражение отрицательного отношения говорящего к факту измены, а именно согласия с отрицательной оценкой, данной этому факту собеседником.

В следующем примере мы сталкиваемся с интенцией «оскорбление». *You're a hysterical ass* [5, с. 113] – *Ты истеричный осел* [2, с. 95]. Несмотря на то что прилагательное *истеричный, hysterical* не имеет никаких эмоциональных помет в словарях, само его толкование «истеричный – страдающий истерией, психическим заболеванием, выражающимся в судорожных припадках, в слезах, смехе, криках» [4, с. 255; 8, с. 702] говорит о наличии в восприятии членами общества человека, обладающего такого рода качествами, отрицательного отношения, неприятия. В особенности при отсутствии непосредственно заболевания, а лишь наличия поведенческой реакции человека на ситуацию. Поскольку собственно больной человек воспринимается с некоторой долей сочувствия и

понимания, а здоровый человек, поведение которого похоже или имитирует поведение больного, оценивается в качестве неспособного совладать с эмоциями, следовательно, отличается от поведения и степени контроля своих чувств другими членами общества, что не является нормой, а значит, плохо и отрицается остальными индивидами. Кроме того, нам кажется, что мы не ошибемся, если будем утверждать, что в настоящее время прилагательное *истеричный*, *hysterical* в обоих языках употребляется носителями в первую очередь не в значении «больной человек», а в значении «человек, который ведет себя в определенной ситуации, как больной». Именно такого рода восприятие человека, чье поведение не контролируется разумом, дает возможность линейного употребления прилагательного *hysterical* – *истеричный* с оскорбительным существительным *ass* – *осел* в значении тупой, упрямый человек. Таким образом, употребление сочетания *hysterical ass* – *истеричный осел* имеет целью оскорбить, унизить адресата со значением «ты неспособный контролировать свои эмоции, ведущий себя как больной истерией, ненормальный, глупый упрямый человек».

С целью определения важности для формирования конечной интенции непосредственно эмоционально-оценочной лексики попробуем заменить ее нейтральной: *Silly old bitch* [5, с. 174] – *Старая ведьма* [2, с. 331] – *You are an old lady* – *Вы женщина в летах*, или *You're a hysterical ass* [5, с. 113] – *Ты истеричный осел* [2, с. 95] – *You conduct yourself as a ill person* – *Ты ведешь себя как больной человек*. Очевидно, что в случае нейтрализации эмоционально-оценочной лексики, помимо качественного изменения интенции (на наш взгляд, нейтральное высказывание можно квалифицировать как оскорбление или подтверждение с большей долей сомнения по сравнению с эмоциональным), происходит искажение непосредственно силы чувств говорящего по отношению к собеседнику, а значит, это приводит и к неправильному толкованию его дальнейших поступков, следовательно, к нарушению понимания общего авторского замысла. То есть нам кажется, что интенции можно разграничивать по наличию / отсутствию эмоциональной лексики. Такие разновидности качественно отличаются друг от друга, а функционирование эмоциональной лексики не ограничено рамками подкласса «экспрессивные интенции» основной классификации [1, с. 48–49], так как непосредственно последние могут быть реализованы при помощи как эмоциональных, так и нейтральных средств, ср. *Go!* – *Иди!* (нейтральное) и *Go to hell!* – *Иди к черту!* (эмоциональное), *This is a new place* – *Незнакомое место* (нейтральное) и *This is a foul place* – *Гнусное место* (эмоциональное). Нам кажется, что цель этих высказываний разная: в нейтральном – передача только информации, в эмоциональном – это в первую очередь передача эмоций, отношения и только затем информации.

Теперь обратимся ко второй функции эмоционально-оценочной лексики – функции формирующего элемента речевого акта. Рассмотрим несколько примеров: *That drunken slut we met at the filthy cafe you took us to* [6, с. 207] – *Та пьяная девка, которую мы встретили в том гнусном кафе, куда вы нас затащили* [3, с. 204]. Различие в количественном составе эмоциональной лексики в английском и русском языках вносит некоторые различия в интерпретацию высказываний. Если идентичные по семантике и эмоциональной направленности слова *drunken slut* – *пьяная девка* и *filthy* – *гнусный* выражают в обоих языках одинаковые эмоции героини по отношению к типу заведения и встреченной в нем старой знакомой, то нейтральный английский глагол *take* – «брать, взять» отражает реальную ситуацию: автор пригласил друзей в кафе и отправился с ними туда с их согласия. В русском переводе эмоциональный глагол *затащить* – «привести, завлечь куда-либо» подразумевает попадание куда-либо против воли, обманом, что не соответствует действительности. То есть, усилив эмоциональный компонент, автор перевода добавил в

высказывание факт снятия ответственности героини за ее присутствие в кафе, следовательно, в переводе была изменена общая семантика фразы. Обратимся к способу трансформации: *That drunken slut we met at the filthy cafe you took us to. – That girl we met at the cafe you took us to. – Та пьяная девка, которую мы встретили в том гнусном кафе, куда вы нас затащили. – Та девушка, которую мы встретили в том кафе, куда вы нас пригласили.* Мы можем наблюдать, что при нейтрализации эмоциональной лексики эмоциональная интенция «утверждение» теряет свой смысл, поскольку искажается степень раздраженности, исчезают отрицательные эмоции, которые испытывает героиня по поводу посещения кафе.

Рассмотрим следующий пример с конечной интенцией «оскорбление»: *You're one of those cowards who only think that it's profitable for them to think* [7, с. 244] – *Вы из породы тех трусов, которые убеждены только в том, что им выгодно* [3, с. 359]. Очевидно, поведение героя не одобряется автором высказывания. Но значение неодобрения не заложено в семантике прилагательных. Слова *profitable* – *выгодный* помимо значения «прибыльный» могут быть истолкованы в качестве «положительный, оставляющий хорошее впечатление». В этом случае явно, что не они содержат оскорбительное значение. Отнесенность героя к другой группе людей, которые «убеждены только в том, что им выгодно», осуждается героиней, которая противопоставляет себя этой группе. Присутствие в высказывании эмоционально-оценочного существительного вносит ясность в объяснение отношения героини к предыдущему поступку собеседника. Ведь она считает, что он трус не потому, что он убежден только в том, что ему выгодно (было бы странно считать всех убежденных в выгодной для себя информации трусами), а потому, что отступился от нее, предал ее чувства и при этом верит в возможность оправдать свой поступок. При выведении из высказывания эмоционального слова *coward* – *трус* высказывание теряет силу своего оскорбительного значения: *You're one of those persons who only think that it's profitable for them to think. – Вы из породы тех людей, которые убеждены только в том, что им выгодно.* То есть наличие определенного эмоционального фона высказывания определяется именно эмоциональным существительным.

В следующем примере эмоциональная лексика непосредственно формирует основное значение: *Your parties are like you, dear lady, perfectly beautiful and perfectly divine* [6, с. 90] – *Ваши приемы, дорогая миссис Форестер, так же прекрасны и божественны, как вы сами* [3, с. 495]. В английском высказывании наречие *perfectly* – «безупречно, безукоризненно, совершенно» содержит в семантике положительную оценку, которая накладывается на положительную коннотацию прилагательных *beautiful* – «прекрасный, превосходный» и *divine* – «божественный, превосходный». Очевидно, что интенция «похвала» реализуется с соответствующей степенью выражения силы эмоции за счет семантической тавтологии эмоциональных средств, которая дополняется и эмоциональным обращением. В тексте перевода наречие утеряно, вероятно, по той причине, что его значение в некоторой степени уже подразумевается прилагательными. Хотя, на наш взгляд, такого рода удаление не оправданно с точки зрения раскрытия чувств и эмоций говорящего. При эквивалентном переводе этого высказывания: *Ваши приемы, как вы, дорогая моя, столь же безукоризненно прекрасны и безукоризненно божественны* более полно раскрывается желание героя польстить хозяйке, при этом в неумелом сочетании эмоциональных слов прослеживается его волнение и желание скрасить этим комплиментом неуместность предыдущей реплики. При полном отсутствии эмоциональной лексики в высказывании: *Your parties are like you – Ваши приемы похожи на вас* интенция «похвала» реализуется, но при меньшей степени эмоциональности и без реализации волнения, чувства досады и желания угодить собеседнику.

Проведенный нами анализ высказываний говорит о необходимости разграничения эмоционального и нейтрального типов интенций. Мы утверждаем, что характер этих интенций качественно отличается друг от друга непосредственно силой выражаемых эмоций и скрытыми смыслами, раскрываемыми благодаря декодированию семантики эмоционально-оценочной лексики. Мы считаем, что для разных по направленности интенций: эмоциональных и нейтральных иллокутивно важны разные компоненты. В маркированных интенциях эмоционально-оценочная лексика не только оказывает сильное влияние на формирование типа интенции, но и переводит ее в разряд эмоционально маркированных авторских намерений. Для высказываний, конечная интенция которых эмоциональна, качество и характер эмоций, передаваемые лексическими средствами, крайне важны. Даже при возможности сформировать ту же интенцию с помощью нейтральных лексических средств воспроизводится только информативный план, а не передаваемые ею чувства, эмоции, отсутствие которых совершенно искажает эмоциональную интенцию. Следовательно, степень реализации иллокутивной функции эмоционально-оценочной лексики можно определить как сильную, то есть на формирование непосредственно типа интенции именно семантика лексической единицы оказывает основное и сильное влияние.

Мы допускаем наличие нейтральной лексики в эмоциональной интенции потому, что часто или почти всегда эмоциональная лексическая единица в высказывании линейно взаимодействует с нейтральной единицей, делая ее эмоционально маркированной. Появление любой эмоционально-оценочной единицы в нейтральном высказывании автоматически переводит его в разряд эмоционального с конечной эмоциональной интенцией.

Ссылки:

1. Громоздова Л. В. Модальность утверждения и отрицания в английском и русском языках (лингвопрагматический аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 227 с.
2. Моэм С. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2. М., 1991. 569 с.
3. Моэм С. Избр. произведения в 2 т. М., 1985. Т. 1. 557 с. Т. 2. 731 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. 944 с.
5. Maugham W. S. Theatre. М., 1997. 300 p.
6. Maugham W. S. Stories. СПб., 2000. 157 p.
7. Maugham W. S. The Painted Veil. М., 1996. 269 p.
8. Longman Dictionary of contemporary English. Edinburgh, 2001. 1662 p.

References (transliterated):

1. Gromozdova L. V. Modal'nost' utverzhdeniya i otritsaniya v angliyskom i russkom yazykah (lingvopragmaticheskiy aspekt) : dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2000. 227 p.
2. Moem S. Sobraenie sochineniy i 5 t. Vol. 2. М., 1991. 569 p.
3. Moem S. Izbr. proizvedeniya v 2 t. М., 1985. Vol. 1. 557 p. Vol. 2. 731 p.
4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Tolkoviy slovar' russkogo yazyka. М., 1997. 944 p.
5. Maugham W. S. Theatre. М., 1997. 300 p.
6. Maugham W. S. Stories. SPb., 2000. 157 p.
7. Maugham W. S. The Painted Veil. М., 1996. 269 p.
8. Longman Dictionary of contemporary English. Edinburgh, 2001. 1662 p.